Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 зр. 20 кр. чертр. 1 зр. 10 к. на мѣстци 4 зр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 52 Львовъ, 21 Декемврія 1856. РОКЪ IX.

КОРОЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ.

VII. ЗБИГОНЬ.

Голубъ сизый по деревьяхъ
По вѣткахъ лѣтаетъ,
Свое горе воркотаньемъ
Лѣсу повѣдаетъ:

„Ой ты лѣсе, лѣсе ширій
Я лѣталъ по тебѣ
Съ голубицею милою,
Лѣталъ въ лучшей добѣ!

Ахъ схватилъ голубку Збигонь,
Врагъ немилосердный,
Ухватилъ и отнесъ въ городъ,
А тотъ городъ твердый!"

Въ около города твердого
Молодецъ самъ ходитъ,
За милою дорогою
Жалостно заводитъ;

И отъ города твердого
Убѣжалъ онъ въ горы;
Сѣлъ въ молчаньи на скалонцѣ,
Съ нимъ молчали боры.

Прилетѣлъ голубчикъ сизый,
Воркотитъ тоскливо.
Молодецъ на него глянулъ
И рекъ жалостливо:

„Что ты голубоньку сизый
Погрузился въ смутку?
Чи тебѣ крагуецъ лютый
Ухватилъ голубку?

Вотъ тамъ съ той твердины Збигонь
Ухватилъ мнѣ милу,
Ухватилъ и въ городъ твердый
Ю отнесъ на силу.

Голубонько! ты съ крагуйцемъ
Былбы дрался добре,
Кобы только было сердце
У тебе хоробре;

Тыбы былъ крагуйцу выдеръ
Дорогую милу,
Кобысь имѣлъ акъ хищна птица
Въ острыхъ шпонахъ силу;

Тыбы былъ убилъ крайгуйца
За его чинъ гидный,
Кобъ у тебе лишь клювъ былъ
Твердый, мясоѣдный."

Нужъ молодче засмученный
На врага встань живо!
На врага бо у тебе есть
Сердце нетрусливо.

Есть и сильна остра збруя,
Воинскіи латы,
И желѣзный тяжкій молотъ,
Вражій лобъ рубати. —

Скочилъ, взялъ свой молотъ, броню
Молодецъ могучій,
Посцѣшаетъ черезъ долы,
Черезъ лѣсъ дремучій.

И пришелъ подъ первый городъ —
Темная ночь была —
И застукалъ сильной пястью.
„„Кто то?"" стражь спросила. —

„Я, ловецъ съ дороги сбился." —
Отперлись запоры.
Вновъ застукалъ сильной пястью,
Отперлись и вторы.

„Тутъ ли есть Владыка Збигонь?" —
„„Вотъ за той свѣтлицей!""
Тамъ ся Збигонь затворяетъ
Съ плачущей дѣвицей.

„Отворѣтъ ловцеви!" Збигонь
Не вникалъ на клики.
Молодецъ розтрѣскалъ двери,
Стрѣскалъ лобъ Владыки.

Все потому что лишь жило
Онъ побилъ на замку,
И у своей красной дѣвы
Продрѣмалъ до ранку.

Свѣтлость солнца сквозь лѣсъ рано
Замокъ наполнила;
Въ юношиномъ сердцѣ радость,
Что въ объятьяхъ мила.

„А чіяже то голубка?" —
„„Збигонь схватилъ пташку
И держалъ ею на замку,
Якъ мене бѣдняжку!""

„Въ лѣсъ лети, голубко съ замка"
Въ лѣсъ летѣла съ клѣтки;
Съ голубцемъ своимъ летѣла
Тамъ и сямъ на вѣтки.

Радовалась съ своимъ другомъ
Дѣвочка удала,
Тамъ и сямъ, где лишь хотѣла.
Съ милымъ пробывала.

VIII. КИТИЦА.

Вѣетъ вѣтрочокъ съ княжей дубравы;
Бѣжитъ къ потоку мила дочь Славы.
Въ кованны ведра черпаетъ воду,
Китица къ дѣвѣ плыветъ по броду,
Плыветъ по бролу пахнуща кита,
Кита съ фіялокъ и рожъ увита.
Дѣва за киту сягла зелену;
И, ахъ упала въ воду студенну.

Кобы я знала, китице красна,
Кто тя въ землицу порху садилъ:
Тобы мой цѣнный перстень носилъ!

Кобы я знала, китице красна.
Кто тя мягенькимъ личкомъ вязалъ:
Тобы иглицу съ косы досталъ!

Кобы я знала китице красна.
Кто тя въ холодну воду пускалъ
Тобы вѣнокъ мой съ головы взялъ

М. Онуфріевичъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВРЕМЕНОПИСЯХЪ

Суть временописи, которыхъ цѣлею и стремленіемъ есть розличны науки изпытывати, подвигати на вышую степень и предподавати, въ ꙗкъ найпоѧтнѣйшемъ видѣ. Временописи такіи занимаютъ такъ долго исключно только самыхъ оученыхъ, доколь не сдѣлаютсѧ ꙗснѣйшими, доколь точнѣйшми, не перейдутъ въ загалъ, въ засохтованіе. Суть ины и то многочисленны, изъображающіи только мнѣніѧ времени своего и мѣстца, вознамѣрывающіи или оукрѣпити, или подвигнути выше тіи мнѣнія. Суть еще ины имѣющіи за цѣль забаву. Непонѧтное множество письмь того рода существуетъ по инымъ чужимъ краѧмъ; моды, обмовы насущны, анекдоты, розказы о розбойникахъ, злодѣѧхъ, оубѣйцахъ, мелочны извѣстіѧ театральны, пировы, салоновы, занимаютъ въ предѣлахъ ихъ пространны мѣстца такъ, что на конецъ приходитсѧ имъ незнати что прибагнути, дабы лишь роздражненну фантазію и оутомленную любопытность читателей, своихъ чимсь новымъ на будущность привлекати. Всѣ тѣ письма можно такъ сказати посвѧщенны суть толпѣ что то именуетсѧ оуполированною. Но поѧвилисѧ наконецъ письма, стоѧщіи по найнысшей цѣнѣ, вознамѣрывающіи ꙗкъ найбольшее розпространеніе между такъ

прозваннымъ середнымъ сословїемъ, которы неѹкрашиваютъ внѣшность свою пустыми плѣняющими дѣтей, образками. Опредѣленїемъ ихъ есть розпространенїе вѣдомостей, благополезныхъ въ розличныхъ отношенїяхъ общественной жизни, вѣдомостей, которы изъясненны и изпытанны съ якною корыстью многими оучеными, всеобщаго знанїя оудостоились. Не всѣмъ возможно и не обходимо есть изучатися теоретическихъ наукъ, но произвлеченїями отъ ныхъ, всѣ пользоватися могутъ. Есть то оуже сполна на времени, дабы всѣ труды, плоды мыслящихъ людей сдѣлалися насущнымъ хлѣбомъ всѣмъ народамъ позамкъ физическое и нравственное состоянїе ихъ полушити могутъ. Письма того рода великую прїобрѣли оучасть доселѣ; каждый человѣколюбецъ съ истиннымъ восхищенїемъ видитъ, якъ искренное стремленїе къ истинному просвѣщенїю, къ понятїю отношенїй и должностей общественныхъ, къ испытыванїю природы, котора намъ ежедневно большїи таинства отгадывати и пользы получати призволяетъ, объявляется вообще между середнымъ сословїемъ. Прежди сочинали повѣсти о чаровницахъ, опырахъ и розбойникахъ для мїра, днесь противо занимаютъ благополезны обучивающїи вещи человѣка обыкновенного, когда оупоманоуты оутворы сдѣлались занимательными обществу вышему. Всѣ правила общественной жизни полагаютъ днесь на одной основѣ — на принадлежномъ направленїю роботы, почемъ для роботающаго сословїя нѣтъ занимательнѣйшаго якъ тое что направленїе такое изъясняетъ. Нѣкоторы думали, что дабы понравитися людямъ, нужно ихъ найгидшїи страсти подерживати; присвѣдченїе доказало онакше розпространенїемъ письмъ по низкой цѣнѣ, обучивающихъ, благополезныхъ. Одинъ англїйскїй писатель въ сочиненїи о характерѣ нынѣшнихъ Англичановъ приводитъ слѣдующую розмову:

Нѣкїй обиватель прохожаючись по при канторъ перїодическихъ писмъ въ Лондонѣ стрѣтилъ двохъ товаришей. Оба розсмотривали прелестны оглашенїя новыхъ писмъ и такъ говорили: „Смотри что за множество новинъ въ томъ дневнику, воскрикнулъ дворянинъ: необыкновенный процесъ между Льордомъ а женою селянина — авантюра г. Якъ . . . (нужно тебѣ знати что тое имя есть модное. . . . Зрѣлище приключившее ся на балѣ. . . . Охъ!! есть то чтось превосходное! послухай Їонъ! имѣешь ли нѣсколько гроша? Я только золото имѣю; купимъ тотъ дневникъ! Множество розличныхъ новинъ!". . . .

„И ты называешь все тое новинами? отозвался Їонъ, а что мнѣ тамъ по Льордѣ — Якѹ и якимсь тамъ балѣ? Я желаю за мой роботою заслуженный грошъ читати чтось полезного. . Совѣтованїя для господарей. . . . Извѣстїя о поселенїяхъ новой Голландїи. . . То суть новины" — А что мнѣ изъ нихъ воскрикнулъ дворянинъ."

Безсомнѣнно можно поворожити, что послѣднїй дармоѣдъ на старость будетъ жалько оумолялъ товариша своего о кутъ въ его хатѣ и о кусень хлѣба, и что не помнитъ оуже тогда ни о модѣ ни о шумныхъ пирахъ. Минули оуже днесь тїи времена, когда то селянинъ а шляхтичъ человѣкъ салоновый а простодушный прихожинъ, были такъ отъ себе отдѣленными, такъ далекими, якъ бы жители далекихъ сторонъ; минули времена когда то благоденствїе и

почитъ становились примховатымъ произволомъ слѣпой судьбы, а не роботою и заслугами.

Оу насъ преимущественно земледѣльство есть промысломъ. Самое поле мало что произноситъ, зачѣмъ и оуправа оного требуетъ розличныхъ средствъ требуетъ промыслу; а селянинъ оу насъ принужденъ есть самъ себѣ зарадити въ многомъ отношенію. Есть про тое необходимою нужностью доставляти роботающему сословію пищи письменной, пищи якою онъ покрѣпленъ къ розличномъ виду розвинути жизнь свою возможетъ. Письма такіи имѣющіи благополезны вѣдомости за цѣль, найдутъ тимъ большее розпространеніе въ краѣ нашемъ, чѣмъ оупознаніе истинного свѣдѣнія и образованія, каждого трудолюбного человѣка оубѣдитъ о нужности ихъ, себе ради. Но такимъ дѣломъ подумалъ бы кто то, литература обравши изключно практическій, науковый путь, потерялабы задачь естетического образованія. И не запретимо! кажда наука произносяща въ практическихъ опытахъ якуюсь най такъ скажимъ чисто вещественную корысть, не можетъ быти духовно красною — естетическою. Изключеніе про тое занимательныхъ, оублагороднающихъ естетическихъ плодовъ духа, совершенно изъ временописей народныхъ былобы очень сумнымъ явленіемъ. Человѣкъ хотя такъ дуже привяленъ въ теперѣшнемъ времени чисто матеріальными справами своими, такой хвилево чувствуетъ себе неудовольнымъ, такой жаждитъ порою чегось тамъ, что то благовлѣяючи на оумъ и сердце его, скрѣпляетъ оутомленны силы его оупованіемъ и розвеселеніемъ. Тое оупованіе и розвеселеніе надаетъ человѣкови ничто иное, якъ только естетическое образованіе. Тому то являются такъ многочисленны случаи, что человѣкъ не имѣющій якого нигдѣ естетического образованія, во времени, когда несчастія тучи попадутъ его, пострадавши съ толиками трудами нагромаженное имѣніе свое, ні видаючи въ нѣчемъ больше подержанія на семъ бѣломъ свѣтѣ, отдается отчаянію и — оумертвляется. Совѣсть естетического образованія есть изключнымъ свойствомъ духа, который зацураетея мерзостію такъ ничтожного дѣла, такъ нужденныхъ подлыхъ предпріятій, якихъ порою хапается человѣкъ въ отчаяніи. Если образованіе моральное само въ себѣ содержаетъ чувство красоты, естетическое образованіе производитъ моральность. Такъ дѣтина не знаетъ что морально доброе а что зло, но когда мы кажемъ, не твори тое ибо се есть не красно, стыдомъ заходятъ дѣтины лица. Образованію естетическому служитъ поезія во всѣхъ видахъ явленія своего. Изключати поезію изъ народныхъ временописей, былобы то только, что не подвигати прирожденное человѣкови естетическое чувство, не оублагороднати оумъ и сердце его, а отдати низкому корыстолюбію. Про тое при розвоѣ наукъ и свѣдініи поезія должна такожде цвисти и розвиватися. Но якъ присвѣдченіе оучинаетъ насъ, то поезія приуготовляетъ буди то путь науцѣ, а потомъ гибнетъ исчезаетъ, что нѣтъ слѣда по ней якъ то видимъ изъ наведеныхъ выше временописей. Алежъ не все, что дасть ся повѣсти о одномъ народѣ можетъ быти точно перенесено на другій. Оу насъ Руссиновъ якъ вообще и оу прочихъ братей нашихъ славянъ, можетъ такъ процвитати поезія якъ и наука. Ибо мы непочинаемъ совершено

отъ начала, т. е. мы Славяне принимаемъ въ вниманіе оуробленнꙋю розвиненнꙋю образованность предидꙋщихъ намъ въ жизни гражданьской народовъ, якo отвличны мысли и перебразовꙋемъ ихъ дальше надаючи имъ пятно общенародного характера нашего. Временописи нашіи неимѣютъ про тое нѣякой принꙋки обирати исключно только практическое направленіе; оу насъ якъ наꙋка такъ поезія процвитати могꙋтъ; а по временописамъ нашимъ якъ перваѧ такъ послѣдняѧ поддержикана и оусовершаема быти должна.

Если сꙋществꙋетъ временопись посвященна изключно только литератꙋрѣ красной, то попри тꙋю должна сꙋществовати наꙋковая. А если сꙋществованіе двохъ такихъ органовъ дꙋховно народной жизни, заходящихъ обстоятельствъ ради становится невозможное; то хотя однымъ надобно бы оудовлетворити по силамъ и возможности, необходимости общенародного просвѣщенія. —

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Имя золотой орды по замѣчанію Карамзина находится въ книзѣ „Большой Чертежъ" а въ лѣтописи его нѣтъ. Плана Карпини пꙋтешественникъ XIII вѣка говоритъ (Собраніе пꙋтешествій къ Татарамъ. Спб. 1825 стр. 37) что Татары (Монголи) называли золтою ордою (orda aurea) ханскій шатеръ, который стоялъ на столпахъ, покрытихъ золотыми листами прибитыми къ деревꙋ золотыми гвоздами, сверхꙋ накрытъ былъ онъ балдахиномъ, а снарꙋженъ дорогими тканами. Золотая орда на Ахтꙋбѣ, гдѣ была столица Батыєва, вѣроятно имѣетъ такое же начало. По свидѣтельствꙋ Карамзина (И. Г. Р. IV пр. 74):" Тамъ видны еще развалины двꙋхъ великолѣпныхъ зданій; въ одномъ изъ нихъ нашлось нѣсколько обитыхъ серебромъ гробовъ. Ровы выкладенны каменемъ, стѣны состоятъ изъ большихъ прекрасныхъ плитъ съ оукрашеніями; примѣчательны также остатки готического вкꙋса."

Мангазея

Тотъ городъ полꙋчилъ названіе свое отъ бывшаго тамъ прежде его основанія хлѣбного запасного магазина, для вымѣны на хлѣбъ звѣринныхъ кожей, отъ кочꙋющихъ въ тихъ мѣстцахъ Остяковъ и Самоедовъ. Онъ построенъ былъ въ 1600, а въ 1662 годꙋ переведенъ на р. Енесѣй и названъ Тꙋрꙋханскомъ отъ рѣчки Тꙋроханкомъ, отъ рѣчки Тꙋроханки которая въ просторѣчіи именнꙋется и Мангазеєю. Причиною такого перемѣщенія была сколько отдаленность мангазеи отъ населенныхъ мѣстцъ, столько же и нꙋдобство доставленія тꙋда хлѣба и дрꙋгихъ тяжестей съ которыми сꙋда нѣсколько разъ попадали на мель и съ трꙋдомъ могли быти выгрꙋженны. Самое ледоватое море въ стариннꙋ называлося мангазейскимъ.

Чортовъ городъ

Былъ тамъ гдѣ нынѣ Елабꙋга оуг. Вятской гꙋберніи, близъ которого на крꙋтой горѣ видно еще остатки такъ называемого Чортова городища. Дрꙋгое того имени находится въ двꙋхъ верстахъ отъ Бирска оренбꙋрской гꙋберніи съ валомъ и ровомъ обросшими оуже хащали, о которомъ тꙋземцы говорятъ, что тꙋтъ якъ и на прочихъ городищахъ тамошьнаго края живала чꙋдь. Можетъ быти тое Чортово городище имѣло якꙋю нибꙋдь связь съ предидꙋщимъ.

Острот на Ишинъ или рѣка Имишъ

Тая рѣка получаетъ начало въ Киргизъ — кайсацкой степи, образуясь изъ розныхъ озеръ, рѣчекъ и ручаевъ; течетъ не болѣе 500 верстъ имѣя въ ширину до пятьдесятъ и глубины до 2 сажня и впадаетъ въ Иртишъ въ Тобольской губерніи. Верховье ея сближается съ р. Тоболомъ, съ которою она столько во всемъ сходствуетъ, что ею можно приняти за малый Тоболъ. Можетъ быти на ней есть и острова, но малой величины, а острова во 150 верстъ о которомъ говоритъ книга „Большой Чертежъ" нѣтъ ни на одной рѣцѣ тамошняго края; даже самый большій островъ на аральскомъ морѣ гораздо менѣе. Хотя до нынѣ въ Киргизъ — кайсацкой степи водятся дикія лошади большаго и малого роста, особливо по рѣцѣ Ембѣ и Сарасу, но сколько извѣстно одной только темносѣрой, почти голубой шерсти: первыхъ называютъ куланами а послѣднихъ турпанами.

Если существованіе большого острова и пѣгихъ лошадей на Ишинѣ несбыточно, то все же въ той молвѣ что нибудь послужило основаніемъ, потому что: Non est mihi de nihilo quod publica fama susurat et partem veri semper fabula habet. Въ самомъ дѣлѣ въ родословной исторіи Абулгази Багадаръ хана, находимъ слѣдующее извѣстіе: Не такъ многочисленны роды кочевали около рѣки Айкра мурана, которая протикаетъ на границахъ Киргизскихъ владѣній, принимаетъ въ себе много иныхъ рѣкъ, и отъ того здѣлавшись обширною впадаетъ въ горькое море. При устѣ ея на морскомъ берегу, находится многолюдный городъ, которого жители большею частію кочевыи, богаты скотомъ и лошади ихъ такъ крупны, что тамошній жеребецъ ровный ростомъ съ нашею трехгодовою конною; они суть пѣгіи, лошадей же иной шерсти нѣтъ. Тотъ городъ называется Алакцинъ. Близъ него суть серебряны рудники и народъ неупотребляетъ иныхъ котловъ блюдъ и чашъ кромѣ серебряныхъ. По смерти Чингисъ — хана Киргизскій и всѣ въ окрестности ихъ лежащія владѣнія, достались Тулы — хану, а по смерти послѣдняго сыновьямъ его; власть же находилась въ рукахъ старшей его жены, а ихъ матери. Она отправила тысячи людей съ трема беками въ городъ Алекцинъ, для разграбленія его, или въ случаѣ неудачи по крайней мѣрѣ доставленія о немъ точного свѣдѣнія. Спусти довольно времени три бека возвратились только съ трема стами людей, остальны же семь сотъ погибли. Они сказали, что все слышанное о Алекцинѣ справедливо, и что мы много достали тамъ серебра, но ведая мелководія плыти обратно на судѣ не могли и все взятое бросили; климатъ тамъ худый жаркій, а отъ того и столь людей нашихъ померло. Далѣе Абульгази говоритъ: „Въ монгольскихъ владѣніяхъ на востоцѣ протекаютъ 8 рѣкъ, которы вообще называютъ осьму Муранами, между ними кочуютъ Оуираты и всѣ тѣ рѣки впадаютъ въ Айкра — Мкранъ. Имена ихъ слѣдоующіи: Кукъ — Муранъ,, Оугъ — Муранъ и проч. По различному разумѣнію и изъясненію тихъ мѣстъ, розными писателями, г. Спасскій постарался, при посредствѣ знающаго языкъ оріенталиста, сдѣлати новый имъ здѣсь предложенный переводъ съ подлинника, изданного на иждевеніи покойного графа Румянцова съ латинс-

кимъ заглавіемъ: „Abulhasi Bahadur Chani historia Mongolorum et Tatarorum nunc primum tataricе edita e. c. t. (Casani 1825) Между тимъ переводомъ и французскимъ, сюда по русскому сделанному изъ него и изданнымъ Сп. Академію наукъ, безъ означенія года изданія, много разницы но она не может подати повода къ якому нибудь новому заключенію, или потвержденію прежнихъ мнѣній о городѣ Алакцинъ и рѣцѣ Аикра — Муранѣ. Та розница кромѣ перепутанного текста противъ подлинника и неправительно выраженныхъ собственныхъ именъ, состоитъ во многихъ прибавленіяхъ того, чего вовсе нѣтъ въ подлинницѣ, на пр. что рѣка Аикра — Муранъ впала въ море послѣ продолжительного теченія; что городъ Алакцинъ владѣетъ многими окрестными городами; что названіе его есть одно съ именемъ сороки, и одно ему отъ содержимыхъ въ немъ лошадей похожихъ на сорокъ т. е. пѣгихъ и т. д. Наконецъ не сказано въ томъ переводѣ, что г. Алакцинъ лежитъ на морскомъ берегу, и якая именно употребляется жителями его серебряная посуда; что климатъ тамъ жаркій, и прибавлено, что посланы немогли плыти изъ Алакцина обратно по Акра — Мурану съ грузомъ не ведля мелководія якъ въ подлинницѣ, а по невозможности будьтобы возвратитися въ верхъ по рѣцѣ, за недостаткомъ людей. Всѣ тѣ подробности приведенны съ одной стороны для показанія величайшей неизправности французского перевода, одной изъ необходимихъ книгъ при историческихъ изъисканіяхъ относительно монгольскихъ народовъ имѣвшихъ нѣкогда вліяніе и на Россію — якова есть, Родословная исторія Абулгаза — хана, и для побужденія къ давно ожидаемымъ сверцѣ ея съ печатнымъ подлинникомъ и новому изданію на русскомъ языцѣ; съ другой стороны для нѣкоторого оправданія противоположныхъ мнѣній о изложенныхъ здѣсь предметахъ, руководствовавшихся французскимъ ея преводомъ, хотя почти всѣ они могли пользоватися и подлинникомъ, бывшимъ прежде въ Академіи Наукъ, а 1825 г! уже и напечатаннымъ. Такимъ образомъ французскій издатель той книги считаетъ Аикра — Муранъ — Енисеемъ.

Нево

Нынѣ Ладожское озеро находится между Финскимъ заливомъ и Онежскимъ озеромъ и имѣетъ въ долготу 175, въ ширину 150 в, вѣроятно при измѣреніи по горизонту воды. Въ него впадаетъ нѣсколько рѣкъ, изъ которыхъ значительнѣйшіи: Волховъ, Паша и Сясь, а изъ него вытекаетъ одна Нева. Воду имѣетъ прѣсную. Рыбою изобилуетъ водатся и тюлени, На немъ много островокъ, изъ которыхъ замѣчательнѣйшіи: Коневецъ и Валаамовъ, съ монастырями Коневскимъ и Валаамскимъ, имѣющіи нѣкоторы достопримѣчательности; а прочіи островы особливо: Сирковъ, Зеленцы, Кирветъ и Тиновъ, служатъ болѣе для пристанища рыбакамъ.

Львовъ дня 8 :20) Сѣчня

Сыми днями получили мы „Призваніе до дальшихъ складокъ на созданіе народного Института русского и второй русской церкви городской въ Львовѣ." Явный то до-

казъ неутомимой дѣлательности комиссіи, предстоящей устройству и розвою, якъ физическому такъ мыслительному, чѣмъ разъ оказательнѣйше и многонадеждяѣйше воздвигающагося тогожъ народного дома. Захватительно и возбуждательно изражается вседостопочтеннѣйша комиссія наша въ своемъ призваніи, на которое поклалъ возлюбленное намъ имя свое Высокопреподобный ея предстоятель. Ктоже изъ Руссиновъ, смотря на обдѣланную, воздвигнувшую ся въ такъ хорошомъ, многонадеждномъ виду одную часть, невозрадуется въ самой глубинѣ, прежде такъ безнадеждного сердца своего? Мы зрѣли, якъ недавно тому подобали тѣ опепеленны стѣны, а зримъ и и оглядаемъ днесь на одной части мѣсто нихъ, плѣняющее сердце и духа нашего зданіе. Годъ по за годъ, перетревавъ столь долгое время бременную, уничтожающую нужду, народъ нашъ русскій, стараніемъ и трудолюбіемъ высокодост. заступниковъ своихъ розвинетъ съ каждымъ шагомъ, поступающимъ на цути просвѣщенія, свою народную жизнь. Не напрясно, не въ одинъ мигъ розвиваются и образуются народны справы, и дабы народъ приспѣлъ до вознамѣряемой цѣли опредѣленія своего, нуждно безпрерывно съ временемъ двигатись весьма силами на поприщѣ усилій и трудолюбія. Но когда мы поглянемъ на нѣсколько годовъ въ задъ себе а перейдемъ внимательнымъ духомъ настоящее состояніе нашее; то самохоть сдумѣвшись, якъ бы недовѣряючи внѣманію нашему начнемъ вопрошати самы себе: что за произшествія подвигнули насъ и ввели на путь духовно — народной дѣлательности?! Родимцы и братья! Призивающій голосъ старанной комиссіи нашей молчалъ послѣдними годами, ибо послѣдствія восточной войны посредственно и насъ тронули. Теперь славити Бога имѣемъ благодать міра, тревожны мысли отплыли, а умъ и сердце каждого можетъ свободно отдатися найблизшей справѣ своей. Голосъ призивающей комиссіи, да будетъ для насъ яко гласъ ангела покликающаго отъ мертвыхъ. Соединяючи, совокупляючи всѣ сыли нашіи къ одному могущественному стремленію, нетеряймы дорогое время, а утворивши себѣ соотвѣтны органы для изображенія народной жизни; достойны станемъ въ великомъ крузѣ сомлеменниковъ нашихъ и полнымъ удовольствіемъ приподаемъ плодъ трудовъ, усилій нашихъ, безсмертности — благодарности во вѣчной цамяти. Далбы Богъ, чтобъ голосъ призивающей комиссіи возбуждилъ въ каждомъ русскомъ сердцѣ искренную благожелательность, рѣшительность къ пожертвованію. Далбы Богъ, чтобъ въ слѣдующемъ году розпочалося новыми, скрѣпленными силами созидавшее дѣло. А когда цѣлый домъ станетъ въ совершенномъ величіи и красотѣ своей, тогда каждый причинившися по возможности къ его совершенному воздвиженію, съ неизповѣдимымъ удовольствіемъ, смотря на искусны муры хранилища народного подумаетъ себѣ: Вотъ се многонадеждный домъ нашъ! а и я невеличкою жертвою причинился къ его воздвиженію!"

Тупомъ Институтa Ставропигіанского Редакторъ Николай Савчиньскій